

М.В.Масловский

**ВЕБЕРОВСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПАТРИМОНИАЛИЗМА И ЕЕ
СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

Масловский Михаил Валентинович — аспирант Волжской государственной академии водного транспорта (Нижний Новгород).

Обсуждение проблемы патримониализма в современной западной социологии стимулировала статья Г.Рота, где веберовская концепция патримониального господства применялась для анализа политических изменений в ряде развивающихся государств. С точки зрения Рота, в работах большинства западных исследователей веберовская типология господства фактически сведена к дихотомии харизмы и бюрократии. Он выступал против чрезмерного использования понятия "харизматическое господство" и стремился продемонстрировать, что во многих случаях понятие "патримониализм" более уместно [1]. В 70-е годы публиковались результаты многочисленных исследований, где в той или иной степени нашла применение концепция патримониализма, которая иногда служила теоретической основой при рассмотрении политических структур в отдельных странах или целых регионах третьего мира [2]. Начиная с середины 80-х годов западные авторы пытаются приложить понятие "патримониальное господство" к советской системе.

Отечественными исследователями веберовская концепция патримониализма освоена недостаточно. В новейших работах, посвященных Веберу, разграничение между патриархальным и патримониальным типами господства не проводится [3,4]. Однако понятие "патримониальная бюрократия" используется П.П.Гайденко и Ю.Н.Давыдовым, которые подчеркивают иррациональный характер этого типа бюрократии [5]. В целом проблему патримониализма отечественные социологи только начинают анализировать.

В западной литературе, где понятие патримониализма получило разные, порой противоречивые толкования, его теоретический статус нередко расценивается как проблематичный. Так, С.Калберг называет концепцию патримониализма примером вполне разработанного идеального типа, ни в чем не уступающего идеальному типу рациональной бюрократии [6, p.96-98]. С.Андрески считает, что понятие патримониализма обозначает в работах Вебера реальные политические режимы, а не особую идеально-типическую конструкцию: "Хотя Вебер не говорит об этом, он рассматривает "патримониализм" как тип, который вовсе не является идеальным, но имеет множество конкретных воплощений" [7].

Понятие патримониальной бюрократии интерпретировалось различными способами. По мнению некоторых западных исследователей, патримониальная бюрократия представляет собой теоретическую модель, идеально-типическую по своему характеру. Такой точки зрения придерживается, например, Г.Рот [8]. С.Калберг полагает, что в тех случаях, когда разрыв между идеальным типом и реальностью слишком велик, Вебер разрабатывал промежуточные идеальные типы, одним из которых и выступает патримониальная бюрократия [6, p.88,89]. Иную позицию занимал Р.Бендикс, который указывал, что термин "патримониальная бюрократия" прилагается Вебером лишь к конкретным примерам бюрократических организаций, не образуя теоретической модели [9]. Несмотря на столь существенные различия в подходах к понятиям патримониализма и патримониальной бюрократии, многие вопросы, связанные с их использованием, вполне поддаются решению.

Согласно Веберу, патримониальный тип господства является производным от

патриархализма. Вебер указывает, что в результате децентрализации патриархального хозяйства между господином и подданными возникают отношения, которые уже нельзя рассматривать как чисто патриархальные, хотя они по-прежнему основываются на личной преданности. При децентрализации хозяйства господин в значительной степени зависит от согласия своих подданных и от их способности доставлять ему натуральную ренту. "Поэтому господин также что-то "должен" подданному, но не в правовом смысле, а в соответствии с обычаем — прежде всего в своих собственных интересах обеспечить ему защиту от внешних нападений и помощь в случае нужды, а также "человеческое" отношение, в особенности ограничение его эксплуатации "обычными" рамками" — пишет Вебер [10, S.583]. Таким образом, закрепленным в традиции оказывается уже не всевластие господина, а установление определенных пределов его произволу.

Вебер подчеркивает различие между властью патриарха над его домочадцами и патримониальным господством как формой политической власти, которая находит свое законченное воплощение в патримониальном государстве. Такое государство включает в себя не только имения правителя, но и не принадлежащие ему хозяйственные единицы, а также не являющихся лично зависимыми от него политических подданных. Однако правитель осуществляет власть над всем государством таким же образом, как и управление собственными владениями. Патримониальный правитель считает, что подданные существуют прежде всего для удовлетворения его нужд. Экономическая эксплуатация подданных осуществляется "литургическими" методами, когда определенные группы несут коллективную ответственность за уплату налогов и другие повинности [10, S.592]. Литургические методы характерны не только для патримониальных государств (они широко применялись, например, в древнегреческих полисах), однако в условиях патримониализма, согласно Веберу, они насаждаются наиболее последовательно.

В отличие от феодализма, развившегося в наиболее чистом виде в Западной Европе, патримониальные политические структуры существовали повсеместно. В государствах континентальной Европы вслед за феодальным порядком также произошло возрождение патримониализма, который господствовал там вплоть до французской революции 1789 года [10, S.637]. Феодализм рассматривается Вебером как частный случай патримониального господства, поскольку, с одной стороны, феодальный вассал выступал как патримониальный господин по отношению к своим крепостным, а с другой — феодальный принцип не мог полностью заменить патримониальную систему администрации на уровне государства [11]. Вебер подчеркивает различия между этими типами политической организации. "Тот факт, что отношения между лордом и вассалом были взаимными и договорными, означал, что при феодализме права и обязанности были гораздо более формализованы, чем при "патримониализме", — резюмирует веберовскую точку зрения Ф.Паркин [12]. Еще одно важное различие между патримониальными и феодальными властными структурами заключалось в характере военных формирований, на которые опирался правитель.

Патримониальный государь мог (до известных пределов) не считаться с ограничениями, налагаемыми традицией, лишь тогда, когда располагал военной силой, находящейся в его полном подчинении. Согласно Веберу, патримониальные войска обычно набирались из числа рабов, наемников или подданных, принадлежавших к непривилегированным слоям. Однако если правитель слишком полагался на военную силу, он становился заложником армии. Вебер пишет: "в случае смерти правителя, неудачной войны и сходных обстоятельств солдаты просто разбежались или начинали бунтовать, свергали и устанавливали династии, либо государь должен был подарками и обещаниями повышенной платы заново привлекать их на свою сторону" [10, S.590]. В результате патримониальный режим оказывался крайне неустойчивым — свидетельства можно найти в истории Римской империи и средневековых государств Ближнего Востока, которые являли собой, по мнению Вебера, классический пример "султанизма", опиравшегося на патримониальные войска. При этом патримониальное государство

практически никогда не основывается исключительно на военной силе, но в немалой степени зависит от традиционной легитимации.

Другая опора патримониального режима — управленческий аппарат, который набирается из личных слуг господина. Однако недовольство подданных возвышением несвободных людей, равно как и нужды самого управления, побуждают господина привлекать к этому процессу и своих подданных. Назначение на государственную должность предстает как "милость" правителя, которую он оказывает лишь тем, на чью преданность может вполне полагаться. Таким должностным лицам позволено делать все, что совместимо с властью традиции и интересами правителя для сохранения готовности подданных повиноваться и их способности содержать его экономически. Поскольку чиновник рассматривает свою власть как личную привилегию, в случаях, когда традиция не требует обязательного совершения каких-либо действий, последние производятся по его собственному усмотрению и лишь в расчете на вознаграждение. "Должность и отправление публичной власти служат, с одной стороны, лично правителю, а с другой — чиновнику, на которого должность возложена, но они не служат безличным целям" [10, S.598].

Вебер рассматривает патримониальное чиновничество и рациональную бюрократию как два во многих отношениях противоположных типа. Он подчеркивает контраст между ними, указывая, что в патримониальном управленческом аппарате вместо бюрократической "беспристрастности" все полностью зависит от личного усмотрения чиновника — от его отношения к "конкретному просителю и конкретной просьбе и от чисто личных связей, услуг, обещаний и привилегий" [10, S. 604, 605]. Тем не менее Вебер не проводит непреодолимой границы между патримониальной и бюрократической должностью. Он пишет: "Истоки подлинной бюрократии могут быть найдены повсюду в довольно несложных формах патримониальной администрации — переход от патримониальной к бюрократической должности не является четко определенным..." [10, S.638].

Одно из отличий патримониального управленческого аппарата от бюрократии рационального типа — отсутствие регулярного денежного жалованья. Вместо постоянного денежного оклада патримониальный чиновник наделяется бенефицием, который дается ему, как правило, пожизненно и означает "определенные "права на должность" и тем самым ее присвоение" [10, S.598]. Бенефиций может представлять собой земельный участок, а может состоять в праве получать зерно из царских житниц или в фиксированных денежных выплатах за отправление официальных актов.

Согласно Веберу, бенефиции существовали в той или иной форме повсеместно, столь же универсальной оказалась тенденция к их присвоению, в результате которой они порой становились объектом купли-продажи. Наибольшее распространение торговля бенефициями получила в Западной Европе в эпоху абсолютизма.

Присвоение бенефициев делает обладающих ими чиновников практически несменяемыми, что позволяет им накладывать существенные ограничения на власть правителя. Вебер приводит пример Франции при "старом режиме", где судейские чиновники могли успешно противодействовать посягательствам на их привилегии со стороны королевской власти, поскольку в случае их массовой отставки король был бы не в состоянии вернуть этим чиновникам суммы, уплаченные ими за право занимать свои должности. Но и там, где присвоение бенефициев не привело к их купле-продаже, чиновники, как правило, образовывали сплоченную группу, стремившуюся монополизировать определенные должности и связанные с ними привилегии. В результате в патримониальном государстве происходит непрерывная борьба между правителем и чиновничеством. Интересам правителя отвечало бы назначение на самые важные посты его личных слуг и фаворитов, но это удастся лишь в тех сферах, где не произошло присвоения должностей чиновниками. В этих условиях чрезвычайно важное значение приобретает индивидуальная способность правителя утвердить свою власть.

Вебер рассматривает разные способы, которыми патримониальные государи пытались

обуздать притязания чиновничества. Обычно правитель стремился ограничить срок пребывания чиновников в должности: назначал их в те регионы, где они не имели земельной собственности и влиятельных родственников; не допускал объединения военной и гражданской власти в руках одних и тех же лиц; систематически контролировал деятельность чиновников через доверенных людей. Кроме того, в патримониальных государствах широко привлекались чиновники, которые не происходили из социально привилегированных слоев или являлись иностранцами, не обладали властью и престижем, а полностью зависели от господина [10, S. 605,606]. Для патримониальных властных структур характерен фаворитизм, когда важнейшие государственные посты занимают выходцы из низов, которые в любой момент могут утратить свое положение по произволу правителя.

Содержание управленческого аппарата и армии, служащих личным орудием правителя, требовало крупных финансовых затрат. Денежные средства, необходимые для этой цели, поступали за счет торговых пошлин или прямой монополии внешней торговли. Согласно Веберу роль торговли при возникновении патримониальных режимов почти всегда была решающей [10, S.641]. Однако он не считал торговую монополию основной политической власти патримониального типа — здесь имело место скорее обратное соотношение. "Вебер вновь и вновь высказывал важнейшее теоретическое положение, основанное на твердо установленных фактах: при патримониализме экономические средства подчинены структурам политической власти", — резюмирует эту идею В.Мервар [13, p.64]. Таким образом, торговая монополия — следствие обладания неограниченной властью.

Рассматривая влияние патримониальных властных структур на экономическую жизнь общества, Вебер подчеркивал, что эти структуры не являются серьезным препятствием для развития самых разных хозяйственных укладов, в том числе политически ориентированного капитализма. Авантюрно-спекулятивный капитализм легко уживается с патримониальным политическим режимом. С другой стороны, промышленный капитализм современного типа не мог нормально развиваться в патримониальном государстве из-за недостатка "предсказуемости", отличающей рациональное бюрократическое управление. Отсутствие законодательных гарантий, которые ограждали бы от произвола со стороны патримониального правителя и его чиновников, крайне неблагоприятно сказывалось на деятельности капиталистических предпринимателей. Как указывает Вебер, промышленный капитализм должен рассчитывать "на последовательность, надежность и объективность действия правовой системы и на рациональное, в принципе поддающееся калькуляции функционирование судебных и административных учреждений" [10, S.643]. Однако все эти условия отсутствовали в патримониальном государстве.

В своем анализе патримониализма Вебер выделяет три основных формы этого типа господства. О патримониализме в собственном смысле слова речь идет там, где господство преимущественно традиционное. Если же правитель действует по своему усмотрению, опираясь на военную силу и игнорируя традицию, то такой режим обозначается термином "султанизм" [10, S.133]. Вебер также рассматривает децентрализованный вариант патримониализма, который характеризует как "сословное" господство. Для этой разновидности патримониализма характерно, что власть правителя ограничена не традицией, а правами и привилегиями чиновников. Перечисленные формы патримониального господства следует расценивать как "чистые" типы.

Интерпретация чистых идеальных типов в работах Вебера была предложена В.Моммзеном. В хронологически позднейшей части "Хозяйства и общества" чистые типы "сконструированы таким образом, чтобы в каждом из них соответствующий принцип раскрылся бы в наиболее отчетливой форме" [14]. Кроме того, чистые типы, как правило, объединены в пары, причем каждый соответствует крайней точке на каком-то

континууме. И хотя Вебер следует принципу дихотомического деления, чистые типы могут образовать и системы более сложной конфигурации. Веберовская идеально-типическая модель патримониализма, по-видимому, образует одну из таких систем. В указанной модели традиционалистский патримониализм противопоставлен султанизму, который основан на ничем не ограниченном произволе правителя. Кроме того, централизованный патримониализм (традиционалистского или султанистского образца) противопоставляется децентрализованному "сословному" господству. В то же время реальные патримониальные режимы располагаются между чистыми типами на этих двух континуумах. Если сами чистые типы статичны, то реальные патримониальные режимы могут эволюционировать в направлении какого-либо из них.

Такая интерпретация концепции патримониализма позволяет снять ряд ограничений на ее использование, наложенных в результате отождествления с чистым типом традиционного господства. Некоторые западные социологи предлагали модифицировать веберовскую модель, дополнив ее идеальным типом "современного патримониализма" [13, p.48]. Но если традиционалистский патримониализм представляет собой лишь один из чистых типов, образующих идеально-типическую модель, то такого рода модификация вряд ли может считаться обоснованной.

Понятие патримониальной бюрократии, как уже отмечалось, имеет различные интерпретации. В работах Вебера есть четкие указания на то, как следует трактовать данное понятие: "Мы вынуждены будем вновь и вновь образовывать выражения типа "патримониальная бюрократия", чтобы подчеркнуть, что характерные черты соответствующего явления принадлежат отчасти рациональной форме господства, тогда как другие черты принадлежат традиционной форме господства" [15]. Из этого следует, что патримониальная бюрократия занимает промежуточное положение между двумя чистыми типами. В то же время понятие служит для обозначения конкретных явлений, а не очередного идеального типа.

Перечисляя исторические примеры бюрократических организаций, Вебер отмечает, что некоторые отличались ярко выраженными патримониальными чертами [10, S.556]. Патримониальные бюрократии характеризуются как в значительной степени иррациональные, поскольку в них обычно отсутствует четкое разграничение сфер полномочий чиновников и не требуется специальной подготовки для занятия должности. Вебер допускает возможность того, что "патримониальный правитель в интересах своей власти и финансового обеспечения устанавливает рациональную систему администрации со специально подготовленными чиновниками" [10, S.139], он отмечает, что такой тип администрации развился в полной мере лишь в странах Запада. В веберовском определении патримониальной бюрократии заложено наличие в последней определенных рациональных черт. "Там, где несвободные чиновники (рабы, министерялы) действуют в иерархической организации с безличными сферами компетенции и, следовательно, в формально бюрократической манере, мы будем говорить о "патримониальной бюрократии" [10, S.127]. Нужно отметить, что Вебер почти не следует этому определению. В приводимых им примерах чиновники не обязательно являются несвободными, поскольку рекрутируются и из внепатримониальных источников.

При чистом типе традиционного господства в управленческом персонале полностью отсутствуют такие черты бюрократической администрации, как четкое определение сфер полномочий, рациональная иерархия должностей, назначение на основе добровольного контракта, специальная подготовка как условие занятия должности и постоянное денежное жалованье [10, S. 131]. Вместе с тем все перечисленные признаки, за исключением контрактно-договорных отношений, могут в той или иной степени присутствовать в патримониальной бюрократии. Постоянным же ее признаком служит личностный характер отношений власти. Согласно Веберу, преданность патримониального чиновника своей должности представляет собой "не безличное

обязательство по отношению к безличным целям, которые определяют ее содержание, — это преданность слуги, основанная на чисто личном отношении к господину" [10, S, 598],

Понятие патримониальной бюрократии используется Вебером по крайней мере в двух значениях, С одной стороны, он подчеркивает отсутствие или слабую выраженность рациональных черт, с другой — личную зависимость чиновника от правителя. В любом случае патримониальную бюрократию отличает прежде всего не иррациональный характер, а ее положение в патримониальных властных структурах, Там, где набор управленческого персонала производится из внепатримониальных источников, преобладает тип чиновника, который отличается от чиновников легальных бюрократий только с точки зрения конечного основания их власти [10, S.154]. Решающее различие между этими двумя типами — отсутствие легального компонента в администрации, основанной на традиции или на самовластии правителя.

Рациональную бюрократию нельзя отождествлять с легальным господством. Как указывает Д.Битэм, термины "легальный" и "рациональный" — различные, хотя и частично совпадающие понятия в работах Вебера [16]. Бюрократический аппарат — лишь одна из возможных форм осуществления легальной власти, так как управление может находиться, например, в руках коллегиальных органов. Но бюрократия может использоваться не только в условиях правового государства. Уже Р.Бендикс отмечал, что бюрократический аппарат способен действовать "в отсутствие системы легального господства" [17]. Однако впоследствии понятия бюрократии и рациональности, по свидетельству В.Мервара, часто неправомерно расценивались комментаторами как относящиеся исключительно к господству легального типа [18, p.257].

Веберовская модель рациональной бюрократии при легальном господстве выступает одним из двух чистых типов, между которыми располагаются конкретные бюрократические организации. Важным следствием является то, что чистый тип легально-рациональной бюрократии не должен рассматриваться изолированно. Следует иметь в виду, что он — часть более сложной системы, о чем пишет, в частности, Р.Коллинз [19, p.6]. Тем не менее в западной социальной науке, особенно в американской, веберовский идеальный тип нередко рассматривался в отрыве от всей системы категорий, частью которой являлся. При этом понятия "патримониализм" и "патримониальная бюрократия" совершенно выпадали из поля зрения ученых,

Работы современных западных исследователей, где применяется веберовская концепция патримониализма, можно сгруппировать по трем основным направлениям. Во-первых, была предпринята попытка продолжить и в свете новых данных дополнить сравнительно-исторический анализ тех обществ, политический строй которых рассматривался в трудах Вебера. Это относится прежде всего к Китаю, России и исламским странам. Во-вторых, концепция патримониализма прилагалась к политическим режимам современных развивающихся государств, причем особое внимание уделялось странам Латинской Америки. В-третьих, понятие патримониализма использовалось для характеристики коммунистических режимов, главным образом в СССР и Китае. Хотя наибольшее число исследований, опирающихся на концепцию патримониализма, относится ко второй из перечисленных групп, для нас особый интерес представляют работы, в которых рассматриваются политические институты российского общества дореволюционного и советского периодов.

В "Хозяйстве и обществе" Вебер уделил особое внимание политическому строю России в XVII-XVIII веках [10, S.621-623]. По его мнению, Россия накануне петровских реформ и в течение длительного времени после их завершения являла собой один из характерных примеров патримониального государства. Согласно Веберу, российское дворянство XVIII века напоминало китайскую патримониальную бюрократию. Важнейшее различие между ними заключалось в том, что в России дворянский титул давал право на владение крепостными, в результате чего дворяне были не только чиновниками на государственной службе, но и патримониальными господами в своих поместьях. Одновременно в России

в полном соответствии с китайским образцом "реальная политическая власть и социальный престиж... зависели исключительно от должности или непосредственно от придворных связей" [10, S.621]. Вебер отмечает почти полное отсутствие в российском дворянстве сословной солидарности. По его мнению, разобщенность дворян перед лицом высшей власти и их соперничество в погоне за чинами и царскими милостями уходят своими корнями в местничество допетровских времен.

Как подчеркивает В.Мервар, веберовский анализ патримониальных властных структур в России, Китае и исламских странах, выявивший наличие в патримониальных бюрократиях определенных рациональных черт, "не получил столь же широкого распространения, как идеи некоторых его, возможно, менее значительных произведений. Это вызвало немалую путаницу при обсуждении того, что Вебер писал о России" [18, p.257]. В трудах западных историков можно встретить утверждение о том, что пример России служит опровержением веберовской теории бюрократии, поскольку правовое государство, в котором якобы только и может существовать рациональная бюрократия, в России так и не укоренилось [20]. Однако какое-либо упоминание о концепции патримониализма при этом отсутствует.

И все же возможность применения понятия "патримониализм" при анализе российских политических институтов серьезно рассматривалась. Одна из первых попыток такого рода была предпринята Мерваром [21], но наиболее подробно царский режим на основе концепции патримониализма был изучен Ричардом Пайпсом, по мнению которого "вотчинный" (патримониальный) тип государства сохранялся на протяжении большей части российской истории [22, p.40]. С точки зрения Пайпса, постепенный распад патримониальных структур начался во второй половине XVIII века и был в основном завершен в результате реформ 1860-х годов.

Вместе с тем необходимо учитывать, что Пайпс использует лишь отдельные элементы веберовской модели патримониализма и рассматривает "старый режим" в России с точки зрения историка, а не социолога. Так, например, он пишет: "Московский служилый класс, от которого произошли по прямой линии дворянство эпохи империи и коммунистический аппарат советской России, — уникальное явление в истории общественных институтов... Корни этого класса покоились не в земле, как происходило со знатью во всем мире, а в царской службе" [22, с.132]. Если же обратиться к историческим примерам патримониальных бюрократий, описанным Вебером, то уникальный характер этого социального слоя не столь очевиден. Хотя Вебер прямо указывает, что в России социальное положение определялось не владением дворянским поместьем, а административной должностью [10, S.622], это не означает, что такое положение было уникальным. При анализе царского патримониализма Вебер проводит параллели не только между Россией и Китаем, но между Россией и Римской и Византийской империями, а также эллинистическими и исламскими государствами [10, S.623]. Отсюда можно сделать вывод, что при всех специфических особенностях "московский служилый класс" вовсе не был единственным в своем роде.

Хотя Пайпс обнаруживает некоторые общие черты в царском патримониализме и советской системе, он подчеркивает скорее преемственность между полицейским государством, возникшим примерно в 1880-е годы, и сменившим его тоталитарным государством. В своей новейшей работе он также обращает внимание на сходство царского и большевистского режимов, но при этом утверждает, что ближайшим предшественником ленинского режима выступает "самое реакционное в имперской России правление Александра III" [23, p.506], которое уже не рассматривает как основанное на патримониальном принципе. Пайпс пишет, что тоталитаризм явился результатом "прививки марксистской идеологии к мощному стволу патримониального наследия России" [23, p.501]. При этом он отходит от своей программной установки — искать корни тоталитаризма в российских институтах, а не в западных идеях [22, с. 10], поскольку те и другие выступают как равноценные факторы. В конечном счете его

позиция оказывается более веберовской. Несмотря на критические замечания, нужно отдать должное Пайпсу, который одним из первых осознал значение веберовской модели патримониализма для осмысления российской истории.

К раннему большевистскому режиму понятие "патримониализм" было приложено В.Мерваром. По мнению американского социолога, еще до своего прихода к власти Ленин начал тщательный отбор будущего административного аппарата, который впоследствии развился в "типично патримониальную бюрократию" [18, p.255]. Мервар при этом ссылается на данную Вебером характеристику "человеческого аппарата" революционного лидера [24], полагая, что Вебер признавал патримониальную сущность ленинской власти, хотя и не употреблял этот термин в данном контексте.

Подход Мервара к проблеме патримониального характера большевистского режима подверг критике С.Бройер, с точки зрения которого Ленина не следует считать патримониальным правителем хотя бы потому, что его ближайшие соратники могли не соглашаться с ним по тем или иным вопросам, а иногда просто игнорировали его приказания, Бройер отождествляет патримониализм с чистым типом традиционного господства. По его мнению, антипатримониализм большевистской власти служит достаточным основанием для того, чтобы отказаться от использования понятия патримониального господства при рассмотрении раннего большевистского правительства [25, p.273-275]. Тем не менее в другой работе Мервара, на которую Бройер не ссылается, проводится различие между традиционалистским царским режимом и советской системой, которая характеризуется им как пример "современного патримониализма" [13, p.43]. И все же предложенную Мерваром характеристику ленинского режима едва ли можно считать удачной.

К. Джовит описывает советскую систему как "сплав харизматических, традиционных и современных черт" [26, p.283, 284]. Он утверждает, что политическая история советского государства может быть представлена как процесс рутинизации организационной харизмы большевистской партии в направлении "неотрадиционализма". Джовит эпизодически использует термин "патримониальный", а центральным для него является понятие харизмы. По его мнению, харизматический характер большевистского режима сохранялся в годы правления Сталина и лишь впоследствии произошло превращение коммунистической партии в "неотрадиционную статусную организацию" [26, p.284]. В статье Джовита содержится ряд новых идей. Так, по-видимому, он одним из первых указал на то, что в СССР существовали предпосылки для развития политического, а не предпринимательского капитализма [26, p.286].

Концепцию патримониализма использовал Г.Джилл при анализе происхождения сталинской политической системы. По мнению этого автора, хотя центральное большевистское правительство первоначально не основывалось на патримониальном принципе, определенные патримониальные черты были ярко выражены в партийной бюрократии на местном уровне с момента захвата власти большевиками. С точки зрения Джилла, централизованный патримониальный режим был установлен Сталиным к концу 30-х годов. Он пишет: "Вся сталинская политическая система была патримониальной по своей природе... Благодаря возможности назначать и снимать с должности региональных руководителей Сталин фактически предоставил им секулярные бенефиции — долю в организации, которую возглавлял. В обмен на это они признавали его власть и почитали его, но их положение в своих регионах было подобно сталинскому — они сами могли оказывать милости" [27]. Хотя Джилла интересует прежде всего генезис сталинского режима, он рассматривает также советскую политическую систему при преемниках Сталина. Ученый считает, что патримониальным структурам в партийной бюрократии ничто не угрожало в годы правления Брежнева, тогда как Хрущев и Горбачев пытались противодействовать коррупции и персонализации власти на уровне региональных элит [28]. Известна еще одна попытка сопоставить "культурную революцию" в Китае и перестройку в СССР, опираясь на концепцию патримониализма [29].

Применительно к российскому и советскому обществу веберовская модель патримониализма использовалась в основном историками и советологами, которые не уделяли достаточного внимания теоретическим основаниям данной модели. Впрочем, не только веберовская социальная теория игнорировалась советологами. Отсутствие прочного теоретического фундамента в работах классиков социологии относится некоторыми исследователями к числу основных причин кризиса советологии, выразившегося в растерянности перед стремительными переменами в странах бывшего социалистического лагеря [30]. Следует отметить, что один из немногих оправдавшихся прогнозов относительно будущего Советского Союза был высказан Р.Коллинзом в книге, посвященной веберовской социологической теории, хотя его геополитический анализ имел мало общего с социологией Вебера [19, p.186-209].

Исследователи Вебера, если они касались этой темы, как правило, не считали возможным оценивать политический режим в СССР как патримониальный. Заслуживает внимания высказывание Р.Бендикса о том, что коммунистические режимы находятся за пределами трех чистых типов господства. С.Бройер, цитирующий эти слова Бендикса [25, p.286], не соглашается с такой позицией, пытаясь представить советскую систему как разновидность харизматического господства, но отвергает при этом идею ее патримониального характера. В работах западных ученых проявляется с трудом поддающееся объяснению нежелание использовать весь теоретический арсенал веберовской социологии, когда речь заходит о советском обществе. Так, например, Б.Тернер, который обращается к концепции патримониализма при рассмотрении политического строя исламских стран, переходя к характеристике советской системы, предпочитает ссылаться на марксистский анализ "азиатского деспотизма", осуществленный К.Витфогелем [31]. Причины этого следует искать в распространенном даже среди специалистов отождествлении патримониализма с чистым типом традиционного господства, а также в их недостаточном знакомстве с реалиями советского социализма. И все же представляется, что обращение к концепции патримониализма при анализе политических структур российского и советского общества может оказаться весьма плодотворным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Roth G. Personal rulership, patrimonialism and empire-building in the new states // *World Politics*. 1968. Vol. 20. № 2. P. 194-206.
2. Theobald R. Research note: Patrimonialism // *World Politics*. 1982. Vol. 34. № 4. P.548.
3. Гайденок П.П., Давыдов Ю.Л. История и рациональность: Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. М.: Политиздат, 1991. С.83-85.
4. Патрушев А.Л. Расколдованный мир Макса Вебера. М.: Изд-во МГУ, 1992. С. 106, 107.
5. Гайденок П.Л., Давыдов Ю.Л. Проблема бюрократии у Макса Вебера // *Вопросы философии*. 1991. № 3. С. 176.
6. Kalberg S. Max Weber's comparative-historical sociology. Cambridge: Polity Press, 1994.
7. Andreski S. Max Weber's insights and errors. London: Routledge, 1984. P.48.
8. Roth G. Epilogue: Weber's vision of history // Roth G., Schluchter W Max Weber's vision of history. Berkeley: University of California Press, 1984. P. 198.
9. Bendix R. Bureaucracy // Bendix R., Roth G. Scholarship and partisanship: Essays on Max Weber. Berkeley: University of California Press, 1971. P. 131.
10. Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriss der verstehenden Soziologie*. Tubingen: Mohr — Paul Siebeck, 1976.
11. Roth G. Introduction // Weber M. *Economy and society: An outline of interpretive sociology*. Berkeley: University of California Press, 1978. P. XCV.
12. Parkin E. Max Weber. London: Tavistock, 1982. P.82.

13. Murvar V. Patrimonialism, modern and traditionalist: A paradigm for inter disciplinary research on rulership and legitimacy // *Theory of liberty, legitimacy and power: New directions in the intellectual and scientific legacy of Max Weber* / Ed. by V.Murvar. London: Routledge, 1958. P. 40-85.
14. Mommsen W. The political and social theory of Max Weber. Chicago: The University of Chicago Press, 1992. P. 129.
15. Weber M. The social psychology of the world religions // *From Max Weber: Essays in sociology* / Ed. by H.Gerth and C.Wright Mills. London: Routledge, 1991. P. 300.
16. Beetham D. Max Weber and the theory of modern politics. 2-nd edition. Cambridge: Polity Press, 1985. P.67.
17. Bendix R. Max Weber: An intellectual portrait. London: Heinemann, 1966. P.465.
18. Murvar V. Max Weber and the two non-revolutionary events in Russia 1917: Scientific achievements or prophetic failures? // *Max Weber's political sociology: A pessimistic vision of a rationalized world* / Ed. by R.Glassman and V.Murvar. London: Greenwood Press, 1984. P.237-272.
19. Collins R. Weberian sociological theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
20. Pintner W., Rowney D. Officialdom and bureaucratization: An introduction // *Russian officialdom* / Ed. by W.Pintner and D.Rowney. London: Macmillan, 1980. P.3-19.
21. Murvar V. Patrimonial-feudal dichotomy and political structure in pre-revolutionary Russia: One aspect of the dialogue between the ghost of Marx and Weber // *The Sociological Quarterly*. 1971. Vol.12. № 4. P.500-524.
22. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993.
23. Pipes R. Russia under the Bolshevik regime, 1919-1924. London: Harvill, 1994.
24. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М: Прогресс, 1990. С701-703.
25. Breuer S. Soviet communism and Weberian sociology // *Journal of Historical Sociology*. 1992. Vol.5. № 3- P.267-290.
26. Jowitt K. Soviet neo-traditionalism: The political corruption of a Leninist regime // *Soviet Studies*. 1983. Vol.35. № 3. P.275-297.
27. Gill G. The origins of the Stalinist political system. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P.325.
28. Gill G. Ideology, organization and the patrimonial regime // *Journal of communist studies*. 1989. Vol.5. № 3. P.285-302.
29. Luper M. Power restructuring in China and the Soviet Union // *Theory and Society*. 1992. Vol.21. № 5. P.665-701.
30. Upset S., Bence G. Anticipations of the failure of communism // *Theory and Society*. 1994. Vol.23. №2. P. 193.
31. Turner B. Max Weber on individualism, bureaucracy and despotism: Political authoritarianism and contemporary politics // *Organizing modernity: New Weberian perspectives on work, organization and society* / Ed. by L.Ray and M.Reed. London: Routledge, 1994. P. 125, 131, 132.